

— Старший сын и Чжун-гэ... — старик Лю немного помедлил, но все же решил поговорить с Лю Яоцином. — Если у тебя есть претензии, то разбирайся, но не используй большую жгучую траву. Это может привести к смерти, и тогда репутация нашей семьи, твоя репутация...

Слушая тон старика Лю, Лю Яоцин не мог сдержать улыбки.

Проживший большую часть жизни старик все еще думал, что он всегда прав. Он говорил, не задумываясь о том, что первыми ошиблись Лю Цюаньфу и Лю Яочжун. Почему же теперь он говорил так, будто Лю Яоцин виноват, и ожидал, что тот упадет на колени и попросит прощения за наставления старика?

Справедливость в этой семье давно исчезла, и теперь, казалось, все перевернулось с ног на голову, что вызывало тоску.

— Дедушка, дядя и Чжун-гэ хотели продать Юй-гэра. Тебе сначала нужно разобраться с ними, наказать их, а потом уже говорить о большой жгучей траве, ладно? — сказал Лю Яоцин с улыбкой.

Старик Лю слегка опешил, но продолжил:

— Ребенок, это их дело, а ты — это ты. Когда ты выйдешь замуж, ты все равно будешь лицом нашей семьи. Такие дела...

— Дедушка, ты просто не хочешь признавать вину дяди и Чжун-гэ, тебе их жалко. А почему тебе не жалко Юй-гэра? Если бы его действительно продали, то в следующий раз мы могли бы увидеть его без руки или ноги, или вообще мертвым. Что, дедушка, ты настолько пристрастен, что готов отправить Юй-гэра на смерть? — Лю Яоцин сделал строгое лицо и перечислял все по пунктам. — Кто прав, а кто виноват, дедушка, ты ведь сам понимаешь? Нужно, чтобы я разъяснил? Если не выходит, давайте позовем всю деревню, пусть все рассудят, кто неправ — я или дядя.

— Правда в сердцах людей, дедушка.

Сказав это, Лю Яоцин не стал ждать ответа старика Лю и ушел в дом.

Старик Лю, затянувшись трубкой, почувствовал тяжесть на сердце. Он считал, что делает это ради блага Лю Яоцина, и не отрицал, что Лю Цюаньфу был неправ. Но разве наказание большой жгучей травой было недостаточным?

— Цин-гэр дома? — у ворот остановилась пегая лошадь, и кучер крикнул.

Внутри дома все еще пахло, как будто кто-то только что вылез из навозной ямы. Лошадь, почуяв запах, оглянулась на хозяина с недоумением, не понимая, зачем сюда приехали.

Син-гэ, выносивший горячую воду, услышал крик и закричал в сторону дома третьей ветви:

— Цин-гэр, тебя ищут!

Приехал Гао Фугуй, которого Лю Яоцин уже ждал. Он сам разрешил старому врачу рассказать о себе.

Гао Фугуй был богатым человеком из городка, владельцем множества земель. Его болезненное состояние было известно даже в деревне, где люди редко бывали в городке. Старик Лю тоже

знал о нем.

Это был важный гость, и старик Лю хотел принять его как следует, попросив Ли-ши приготовить несколько блюд, чтобы достойно угостить.

— Дома у нас беспорядочно, давайте пойдём все в дом Чжэцзы-гэ, — предложил Лю Яоцин, повернувшись к старику Лю с улыбкой. — Дедушка, ты останешься дома присмотреть за дядей и Чжун-гэ, а я попрошу маму и Син-гэ пойти к Чжэцзы-гэ, чтобы там накрыть на стол, а папу попрошу составить компанию. Как тебе?

Лю Яоцин уже все сказал, и Гао Фугуй стоял рядом, наблюдая. Старик Лю, как бы ни был толстокожим, не мог сказать, что сам пойдет на пиршество, и согласился, попросив Лю Цюаньцзиня, занятого переноской воды, переодеться в чистое и пойти в дом Чжэцзы, предварительно наставив его говорить хорошие слова.

Ли-ши (сноха) и Син-гэ тоже вышли из дома и отправились к Чжэцзы-гэ, где принялись за хлопоты.

Лю Цюаньфу, лежавший на канье и наблюдавший, как Лю Яоцин с улыбкой уходит, скрежетал зубами от злости. Если бы он был здоров, то именно он составил бы компанию Гао Фугую, но теперь все вышло иначе.

На кухне Ли-ши (мать) сосредоточенно варила кашу. Ей нужно было варить ее несколько дней, чтобы, когда Лю Цюаньфу перестанет мучиться от поноса, он мог восстановить силы. Она следила за огнем, чтобы каша не подгорела, и ей было не до остального.

Младшая Ли-ши, которая помогала наливать горячую воду, осталась одна, так как Ли-ши (сноха) и Шэнь-ши ушли. Теперь ей приходилось и носить воду, и греть ее, и приносить в дом, чтобы Лю Цюаньфу мог помыться. Она была на грани срыва.

Эта ванна, вероятно, будет готова только к полуночи, и только тогда старик Лю, не выдержав, помог ей таскать воду...

Су Ци и Юй-гэр не были у Чжэцзы-гэ, они ушли собирать дикие овощи на склоне горы. Лю Яоцин привел Гао Фугуя в дом и попросил третьего дядю Цинь и Лю Цюаньцзиня составить ему компанию, специально открыв глиняный горшок с вином из диких ягод.

— Чжэцзы-гэ, это наш важный клиент, — шепнул Лю Яоцин Чжэцзы-гэ. — Если мы продадим все это вино, то получим много денег. Ты тоже иди составь компанию, и если Гао Фугуй спросит цену, скажи, что для него это один лян серебра за горшок, а для других цена будет выше.

Чжэцзы-гэ кивнул, его темные глаза смотрели на улыбающегося Лю Яоцина. Он взял его за руку и тихо спросил:

— Цин-гэр, а ты не пойдешь за стол?

— Мне нужно на кухню, чтобы помочь маме приготовить блюда. Ты иди, только смотри, чтобы отец не наговорил лишнего, — сказал Лю Яоцин, толкая Чжэцзы-гэ к двери, не заметив, что тот несколько раз держал его за руку.

Лю Цюаньцзинь, в голове у которого были только наставления старика Лю, мог только улыбаться и соглашаться с Гао Фугуем, не говоря ничего лишнего.

Свежие дикie овощи, слегка обжаренные в свином жире с зеленым луком и диким чесноком, были поданы на стол. Крупные куски курицы, тушенные в соусе, блестели и выглядели гораздо аппетитнее, чем обычно. И хотя грубые лепешки с начинкой выглядели неприметно, они были невероятно вкусными.

Гао Фугуй, который обычно ел только одну порцию, на этот раз съел в три раза больше обычного и с трудом мог встать из-за стола.

В конце концов цена на вино из диких ягод была установлена, как и хотел Лю Яоцин. Гао Фугуй собирался использовать связи семьи, чтобы отправить вино в уезд, оставив себе только часть для личного употребления. Он оставил половину суммы в качестве задатка.

Эти деньги Лю Яоцин в присутствии Лю Цюаньцзиня отдал Чжэцзы-гэ.

Проводив Гао Фугуя, Лю Яоцин зашел на кухню и принес миску с мясом, которое было отложено во время готовки. На глазах у Лю Цюаньцзиня он сказал:

— Это для дедушки на закуску. И этот маленький глиняный горшок вина из диких ягод тоже для него.

Маленький горшок Лю Яоцин дал Лю Цюаньцзиню, а сам решил еще задержаться, попросив Син-гэ пойти домой с Ли-ши и Лю Цюаньцинем.

По дороге многие спрашивали Лю Цюаньцзиня:

— Что хотел молодой господин Гао из городка от вашего Цин-гэра?

Теперь Лю Цюаньцзинь чувствовал свою важность.

— Это дело касалось вина из диких ягод.

Все в деревне знали, что Лю Яоцин делал вино из диких ягод, и теперь, услышав это, многие поняли, что оно было успешным и, несомненно, стоило немалых денег.

Через несколько дней, когда слухи о «Нектаре небожителей» вернутся в деревню, многие почувствуют горькую зависть.

Двор сразу опустел, только несколько горшков с вином из диких ягод остались, и Чжэцзы-гэ бережно поставил их у изголовья своей кровати, охраняя днем и ночью. Это стоило немалых денег.

— Цин-гэр, деньги ты возьми, — Чжэцзы-гэ сжимал руку Лю Яоцина, пытаясь всучить ему серебро.

— Эти деньги долго у нас не задержатся, нам нужно купить землю, пусть даже это будет пустошь, главное, чтобы она была большой и одним куском. Мы сами будем выращивать урожай, и это даст нам много еды. Чжэцзы-гэ, ты согласен? — Лю Яоцин вернул серебро, глядя на Чжэцзы-гэ.

— Согласен, — не задумываясь ответил Чжэцзы-гэ. Даже если бы Лю Яоцин попросил его разбиться головой о стену, он бы сделал это, не моргнув глазом.